

УДК 81'373.7 : 81'42

УЧАСТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ (на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Л.С. Лобец
(Мозырь, Беларусь)

Человек является ключевым звеном большинства художественных текстов. В речи человека всегда отражаются его идеология и психология, житейский опыт, социальные интересы и связи, культурный уровень и духовные запросы. И потому, рисуя человека, художники слова, а Ф.М. Достоевский один из них, показывают не только окружающую героя среду, его внешний и внутренний облик, но и его речевую манеру. Настоящее исследование посвящено роли фразеологизмов в создании законченных образов героев.

Man is the key link in most art texts. His speech always reflects his ideology and psychology, life experience, social interests and connections, cultural level and spiritual needs. And because, drawing a person, the artists of the word, and F.M. Dostoevsky is one of them, showing not only the environment surrounding the hero, his external and internal appearance, but also his speech style. The present study is devoted to the role of phraseological units in the creation of completed images of heroes.

Язык произведений Ф.М. Достоевского привлекал внимание многих исследователей с разных точек зрения. Мы же решили проанализировать его последний роман на предмет участия фразеологизмов в создании художественных образов героев произведения. Досто-

евского интересует не только то, какой его герой сейчас, но и то, каким он был, какими свойствами он обладал и как, когда и почему он стал другим. За каждой чертой угадывается прошлая жизнь героя и предчувствуется, как она отразится в последующих событиях по-

вестования. Рассмотрим конкретные примеры формирования образов героев романа «Братья Карамазовы» с использованием фразеологизмов.

Федор Павлович Карамазов – актер одной роли

Федор Павлович Карамазов, отец «семейки», никогда и сам не скрывал, что он шут, причем «шут коренной, с рождения, все равно, что юродивый». Повествователь неоднократно указывает на это, используя различные лексические средства. Рассмотрим фразеологизмы, используемые для создания данного образа.

В самом начале романа, при описании молодых лет Федора Павловича, повествователь, вспоминая женитьбу его на Аделаиде Ивановне говорит: «...*между супругами началась самая беспорядочная жизнь и вечные сцены*». Когда же жена сбежала от него, он в доме завел целый гарем, а «*в антрактах* ездил чуть не по всей губернии и слезно жаловался всем и каждому на покинувшую его супругу. ...Главное, ему как будто приятно было и даже льстило *разыгрывать* пред всеми свою *смешную роль обиженного супруга* <...>. Многие даже прибавляли, что он рад явиться в подновленном *виде шута* и что нарочно, для усиления смеха, *делает вид*, что не замечет своего комического положения» [1, с. 13]. Узнав о смерти жены, он бегал по улице «воздевая руки к небу» с криками «Ныне отпускаеши». Все это – типичное актерство. «*Федор Павлович всю жизнь свою любил представляться, вдруг проиграть пред вами какую-нибудь неожиданную роль, и, главное, безо всякой иногда надобности, даже в прямой ущерб себе*» [1, с. 16].

Однако не стоит думать, что автор нарисовал образ безобидного шута или актера. Федор Павлович, несмотря на некую ироничность в описании его образа, предстает перед читателем довольно дрянным, безнравственным человеком. При создании образа пустого человека автор использовал фразеологизмы, довольно глубоко раскрывающие его суть. Например, описывая жизнь маленького Мити, автор использовал фразеологизм «*спровадить с рук*», в котором заменил исходный компонент «*сбыть*» на более емкий, как бы пытаясь скрасить неблагоприятный поступок своего персонажа: «спровадить» от глагола «провождать» дает намек на то, что ребенок не был изгнан совсем, а лишь переселен в другое место. Повествователь как бы пытается скрасить неблагоприятный поступок, но добивается обратного эффекта.

В описании второго брака Федора Павловича автор использовал интересное усечение фразеологизма «*предложить руку и сердце*»: «*Федор Павлович предложил руку*» Софье Ива-

новне. Достоевский четко показал читателю, что ни о какой любви со стороны развратника и пьяницы, прельстившегося лишь «замечательной красотой невинной девушки», не могло быть и речи. Федор Павлович часто говаривал: «*Меня эти невинные глазки как бритвой тогда по душе полоснули*». Передавая эмоциональный настрой своего персонажа, автор использовал фразеологизм «*полоснуть ножом по сердцу*», трансформировав его. Тем самым писатель, с одной стороны, показывает все же недостаточную грамотность Федора Павловича (далее в романе Ф.П. неоднократно использовал в своей речи фразеологизмы с неточным компонентным составом), а с другой, – как и с предложением лишь руки, намекает на то, что сердце оставалось холодно. Далее в тексте читатель находит подтверждение тому, что любви действительно не было: «...*Федор Павлович с супругой не церемонился <...> пользоваться <...> ее феноменальным смирением и безответностью, даже попрая ногами самые обыкновенные брачные приличия*» [1, с. 18]. Здесь автор, не изменяя фразеологизма, все же смог придать ему новый смысловой оттенок, усилив его частицей «даже», показывая, что его персонаж постепенно деградирует, ведь в первом своем браке он все же соблюдал некоторые приличия, а при Софье Ивановне «*съезжались дурные женщины, и устраивались оргии*» [1, с. 18].

Еще с самого начала романа автор представил Федора Павловича как приживальщика, и эта характеристика подтверждалась и далее. По поводу денег первой его жены, то они «*реши-тельно как бы канули для нее в воду*», здесь с помощью дополнения и обстоятельства, смысл несколько изменяется – деньги пропали не вообще, а только относительно Аделаиды Ивановны, и пропали относительно нее «*реши-тельно*», в смысле «безвозвратно». По смерти второй жены, Карамазов-отец уехал в Одессу, где и продолжал *играть* свою *роль*, настолько вжившись в нее, «*что под конец даже не только у жидов, но и у евреев был принят*. Надо думать, что в этот-то период своей жизни он и развил в себе особенное умение *сколачивать и выколачивать деньги*» [15, с. 28]. Здесь знакомый фразеологизм «*сколотить деньги*» приобрел более широкий смысл за счет вставки дополнительного компонента *выколачивать*. Автор показал своего персонажа не просто человеком, желающим обогатиться, но и допускающим обогащение любой ценой, т.к. глагол «*выколачивать*» в переносном смысле имеет значение «получать что-либо хитростью, ловкостью или принуждением кого-либо к чему-либо». Его герой и сам не скрывает того, как он приобретает свое богатство. Вспоминая свои

молодые годы, он говорит: «...это у меня еще с юности, как я был у дворян приживальщиком и приживанием хлеб добывал» [1, с. 50]. Фразеологизм *добывать хлеб* в обычной речи ассоциируется со словом «труд», но характеризуя Федора Павловича, автор выбрал именно такое сочетание, раскрывая тем самым всю сущность своего героя-приживальщика.

При посещении старца Зосимы все пустое шутовство Федора Павловича раскрывается в полной мере. Здесь он пытается сыграть роль образованного человека, знающего толк во многих делах, даже касающихся церкви. Для создания своего образа «сведущего человека» он припоминает различные поговорки, крылатые выражения, фразы из художественных произведений. Подойдя к монастырю, он заметил, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», хотя далее свою мысль так и не развил, переключившись на другую тему – в этот момент создается образ человека пустого, мало вникающего в то, о чем он говорит. Стремясь показать себя человеком точным, он себя нахваливает: «Сам же я всегда аккуратен, минута в минуту, помня, что точность есть вежливость королей...», намекая на то, что опаздывает Дмитрий, хотя потом читатель узнает, что Дмитрию неправильно указали время встречи по указке Федора Павловича.

Все в той же сцене у старца Достоевский смог умело обыграть довольно распространенный оборот *быть как дома*, использованный во фразе Зосимы, обращенной к Карамазову-отцу: «Не стесняйтесь, *будьте совершенно как дома*». Федор Павлович воспринял этот фразеологизм как бы буквально: «Совершенно как дома? То есть в натуральном-то виде? ... Знаете, благословенный старец, вы меня на натуральный-то вид не вызывайте, не рискуйте... до натурального вида я и сам не дойду» [1, с. 52].

То, что Федор Павлович – человек, не знающий таких понятий, как приличие, честь, благородие, показано в сцене его возвращения в монастырь на трапезу после скандала, им учиненного: он пришел *как ни в чем не бывало* и «выкинул свое последнее колено». Достоевский не только расширил компонентный состав фразеологизма *выкидывать колена*, распространив его определениями, но и *колена* у него превратились в *колено*. Вновь прослеживается намек на то, что Карамазов-отец вовсе не безобидный шут, каким пытается казаться. То, что он обидел многих людей, не вызывает у него раскаяния, напротив, он возвращается, чтобы доиграть свой спектакль до конца.

Речь Федора Павловича насыщена фразеологизмами, причем в основном просторечны-

ми и разговорными: *баш на баш, биться об заклад, надорвать животики*. Часто в его речи фраземы используются с изменением компонентов: *вы опять глазки наострили* вместо *ушки наострили*; *на готовых хлебах* (о монахах) вместо *на чужих хлебах*; *чтобы духу твоего здесь не пахло* (Алеше) вместо *чтобы духу не было*; *насквозь знаю* вместо *насквозь вижу*. Как уже говорилось выше, этот прием использовался как для передачи состояния крайнего возбуждения, когда герою трудно быстро и в то же время правильно подобрать слова, так и для того, чтобы показать, что образованность Федора Павловича показная.

С помощью фразеологизмов и других лексических средств автору удалось создать колоритный образ человека-сладострастника, довольно хитрого, беспринципного, имеющего о себе крайне преувеличенное мнение, актера, довольного своей ролью шута. Используя фразеологизмы разговорного и просторечного типа, автор подчеркивает, что его персонаж является человеком хоть и обеспеченным, но все же довольно темным, непросвещенным и нежелающим менять ничего в своей жизни, закосневшим в своих пороках.

Дмитрий Карамазов – созерцатель двух бездн

Рисуя перед читателем образ Дмитрия, Ф.М. Достоевский использовал, как и в случае с Карамазовым-отцом, большей частью разговорно-просто-речные фразеологизмы. В начале романа о Мите говорится, что он довольно бесшабашный молодой человек, малообразованный, а по отзыву Федора Павловича, «легкомыслен, буен, со страстями, нетерпелив, кутила». Этот отзыв автор не опроверг, но в продолжении романа к характеристике этого героя прибавилось и много положительных качеств.

Появление Дмитрия в городе, в отцовском доме, автор описывает так: «...Митя, *потеряв терпение, явился в наш городок в другой раз, чтобы сов-сем уж покончить дела с родителем*» [1, с. 17]. Но когда оказалось, что отец ему ничего не должен, а скорее наоборот, то Дмитрий «*почти вышел из себя и как бы потерял ум*». Благодаря лишь трем фразеологическим оборотам, перед читателем предстает образ эмоционального, неуравновешенного молодого человека, но, однако, чувствуется, что это все же не отрицательный герой романа: автор, используя частицы *почти* и *как бы*, сглаживает негативное восприятие этого героя, передает свое скорее сочувственное, чем осуждающее отношение к Дмитрию.

Практически все фразеологизмы, встречающиеся в речи Дмитрия, являются разговорно-

просторечными. Часто он употребляет их с искажениями, перифразами, заменами компонентов, усечениями или приращениями.

В беседе с Алешей, в главе «Исповедь горячего сердца. В стихах», Дмитрий, будучи в состоянии душевного подъема, использует множество фразеологических оборотов. «... Я буду все говорить, потому что **срок пришел**». «Срок пришел» в понимании Мити означает, что «настало время, пришла пора для чего либо», это значение соответствует фразеологизму **час пробил** книжного характера, но наш герой не достаточно образован и поэтому свою мысль облек в более простую форму.

Следующий оборот **бросить якорь** («Я здесь уже пять дней как *бросил якорь*») автор почему-то заключил в скобки как что-то дополнительное, маловажное. В чем же причина? Видимо в том, что этот оборот имеет значение «останавливаться где-либо, устраиваться на постоянное жительство». А уверен ли наш герой, что ему удастся остаться в родном городе навсегда? Такой уверенности нет.

Митя испытывает состояние душевного подъема, но он понимает, что скоро это закончится: «...завтра **лечу с облаков**, потому что *завтра жизнь кончится и начнется. Испытал ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну, так я теперь не во сне лечу*». В этом отрывке есть аллюзия на фразеологизм **упасть с неба на землю**, означающим «освободиться от иллюзий, начинать трезво оценивать реальную действительность».

Подобную замену лексического состава фразеологизма с сохранением общей семантики наблюдаем в дальнейшей речи Дмитрия: «*Не торопись, Алеша: ты торопишься и беспокоишься. Теперь спешить не надо. Теперь мир на новую улицу вышел*» [1, с. 122]. Здесь, как и в предыдущем примере, присутствует аллюзия на фразеологизм **вступить на путь** в значении «начинать какую-либо деятельность или начинать вести какой-либо образ жизни», и опять этот оборот, являясь книжным, заменен.

Практически все фразеологические единицы в речи Дмитрия в этом эпизоде имеют нелитературный характер: **дело говорю** вместо **правду говорю**; **вылезай сух из воды** вместо **выйти сухим из воды**; **готовят ему закуску** вместо **получить закуску**; а выражение **жидка из души тянуть** в значении «медлить» является, видимо, каким-то оригинальным оборотом его речи. Без изменений он оставил лишь стилистически нейтральные обороты: **обмерить взглядом, на чем свет стоит, видеть насквозь**, которые не несут в себе эмоциональной нагрузки. Приведенные выше фразеологизмы в речи Дмитрия передают эмоциональное состояние героя и в

какой-то мере то, что он все же несколько пьян, но более, конечно, взволнован, и не может следить за своей речью, не может правильно подобрать слова.

Следующий этап в формировании образа этого персонажа, это обрисовка его отчаяния от безрезультатного поиска денег, нужных, по его мнению, для того, чтобы Грушенька стала его. Вот как он изображен в главе «Кузьма Самсонов»: «*Видно было, что человек дошел до черты, погиб и ищет последнего выхода, а не удастся, то хоть сейчас в воду*» [2, с. 54]. Автор соединил в одном предложении три фразеологизма, с огромной эмоциональной силой показывающих всю глубину отчаяния героя, его последнюю надежду. Выражение **дойти до черты** встречается не только по отношению к Дмитрию, его можно найти в речи практически всех героев романа, здесь же оно имеет решающее значение по отношению к герою. Далее из романа мы узнаем, что Дмитрий все же преступил свою черту: деньги, зашитые в ладанке, он не вернул Катерине Ивановне, решил прокутить их и расстаться с жизнью. Так в одном предложении заключается все дальнейшее повествование: **черту** он преступил, не вернув деньги, **выход**, т.е. нужной суммы для возвращения, тоже не нашел, и далее – **хоть в воду** – решает застрелиться.

Далее в тексте романа в речи Дмитрия встречается так же большое количество фразеологизмов просторечного характера: **сбить с толку, точно по лбу огорошили, плевое дело, камень в огород, душу вылить, куры строить, подделом ворю мука, не верит ни на сломанный грош, дать маху, куда ни шло, собаке собачья смерть**. Приведенных примеров, думается, довольно, чтобы отчетливо представить себе образ данного героя. Он близок народу, хорошо, хотя и не дословно, знает простую русскую речь, грубоват, но он военный, привыкший к грубости и жестокости; несомненно, на его речи сказываются издержки воспитания, недостаточное образование.

Фразеологизмы принимают активное участие в текстовом воплощении психологической модели «раздвоенного» человека: грубого, порой жестокого с одной стороны, но ищущего любви, покоя, мечтающего о простом человеческом счастье – с другой. Подобная модель «раздвоенности», способности совместить низость и возвышенное стремление во многом определяет специфику художественного мира Достоевского, его желание познать, изучить человека во всех его аспектах.

Иван Карамазов и Павел Смердяков – две загадки романа

Что касается использования фразеологизмов в речи Ивана, то в ней встречается небольшое количество устойчивых оборотов разговорного характера: *проглочу свой язык, «без малейшей задней мысли», «совесть ...вступает с собою в сделки», сплошь да рядом, на закате дней, «не выводи меня из последнего терпения», кашу расхлебывать*, даже грубо просторечных: *на кой ляд*.

Речь же Смердякова, напротив, полна фразеологизмов. Причем в «чистом виде» они практически не встречаются: большинство их имеет крайне просторечный характер: *был, да весь вышел, «с глазу на глаз сидим», «от греха долой», «моих рук дело-с», «высуня язык», «камедь из себя представлять», «камедь изграть», «ажно дух занялся»*. Все эти обороты прошли смердяковскую обработку: он как бы нарочно хочет показаться проще, глупее, чем он есть на самом деле. Его речь – это ширма, за которой он прячется.

Если проанализировать отдельно от всего текста фразеологизмы, используемые этими героями, то Иван будет представлять из себя эдакого простого мещанина, имеющего довольно скромное образование, а Смердяков –

холопа, совсем необразованного и даже забитого. Но так ли это на самом деле?

Многие исследователи, занимающиеся анализом образов, созданных Достоевским, приходят к мнению, что Иван – загадка. Трудно понять, кто он – философ, атеист, ищущий веру, или же просто страждущая душа. Но такая же загадка и Смердяков: мог ли человек с психологией лакея продумать столь хитроумную комбинацию с убийством Федора Павловича? Рассматривая образы этих двух героев романа, мы столкнулись с тем, что фразеология в их речи характеризует их с точностью до наоборот. Это тот авторский прием, когда преднамеренно создается ситуация загадочности, часто встречающаяся в детективных жанрах.

Анализ фразеологизмов, использованных в тексте романа, показал, что каждая единица выполняет, как правило, несколько связанных между собой функций. Наиболее ярко искусство слова Ф.М. Достоевского проявляется в тех случаях, когда писатель, беря за основу какую-либо устойчивую единицу, образует по ее модели собственное, часто афористичное выражение.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: в 2 т. / Ф. М. Достоевский. – Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки, 1981. – Т. 1. – 368 с.
2. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: в 2 т. / Ф. М. Достоевский. – Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки, 1980. – Т.2. – 512 с.